

Психологическая логика затяжного конфликта в Украине

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 343
Сентябрь 2014

Скотт Радниц
Университет Вашингтона

Со времени начала протестов, названных впоследствии Евромайданом, в ноябре 2013 года украинский конфликт протекает на нескольких уровнях. Идёт вооружённый конфликт между государством, повстанческим движением и другим государством. Проевропейское правительство и пророссийские повстанцы пользуются политической и материальной поддержкой на массовом уровне. Идёт также информационная война, в ходе которой все стороны заняты тем, что определяют конфликт на собственных условиях. В данной аналитической записке рассматривается именно последнее измерение. Анализируется то, как психологическая склонность рассматривать мир выгодным наблюдателю образом, дополненная политическим оппортунизмом, способствовала эскалации конфликта и затруднила его разрешение. Ставшая результатом этого поляризация взглядов, хоть и не будучи единственным фактором, осложнила разрешение текущего конфликта и долгосрочное урегулирование ситуации в Украине.

Страх и ненависть в Киеве

После ноября 2013 года сформировалось несколько нарративов, в рамках каждого из которых определяется украинский кризис. Рискую излишне упростить картину, отметим, что проевропейские украинцы понимали ситуацию следующим образом: Евромайдан был чистым выражением желания народа увести Украину из российской сферы влияния и закрепиться в зоне европейских демократий. Президент Виктор Янукович утратил право на власть, отдав войскам приказ убивать безоружных протестантов. Следовательно, правительство, сформированное после его отстранения от должности, легитимно.

Противники Евромайдана апеллировали к тому, что в протестное движение было вовлечено лишь нерепрезентативное меньшинство. Свержение Януковича они назвали переворотом, который противоречил воле народа, выраженной на демократических президентских выборах 2010 года. Далее Россия и её сторонники стали утверждать, что Евромайдану помогали США, а сторонников Евромайдана начали называть фашистами.

Неудивительно, что последующие события конфликтующие стороны описывали в соответствии с этими фундаментальными посылами. Психологи описали склонность людей отвергать новую информацию, которая вступает в противоречие с их уже существующими взглядами, и принимать только те факты, которые подкрепляют их, – этот

механизм называется предвзятостью подтверждения. Не осознавая собственной предвзятости, люди воспринимают новые события и интерпретируют неоднозначную информацию таким образом, чтобы в очередной раз подтвердить свои убеждения, а потом действуют соответственно.

Несмотря на то что описанный процесс протекает в сознании индивидов, предвзятая информация может распространяться на массовом уровне, когда в её распространение включаются те или иные организации. Как государства, так и группы повстанцев заинтересованы в выработке солидарности среди «своих» и враждебности по отношению к «чужим», а широкий охват социальных медиа снизил стоимость распространения пропаганды.

В ходе украинского кризиса политические организации по обе стороны конфликта посылали выгодные им сигналы, но их вовлечённость оформилась по-разному. На проукраинской стороне предвзятые заявления транслировались снизу вверх: они зародились среди активистов Евромайдана, а потом были подхвачены временным правительством, легитимность которого возводится к революции. Позже они были усилены Соединёнными Штатами и сочувствующими странами ЕС, которые стремились защитить независимость Украины и остановить расширение зоны влияния России в Европе. В России процесс был в основном нисходящим: сообщения посылались государством через медиа, повторялись представителями повстанцев, транслировались (в том числе через Твиттер) аудитории в России и на востоке Украины, а эта аудитория оказалась восприимчива к такой информации, и ей недоставало средств, чтобы подвергать её сомнению.

Чтобы понять, как на фоне общей неопределённости нарративы дополняются и расцветают, подпитываясь спорными инцидентами, рассмотрим расклеенные в Донецке листовки, которые предписывали евреям регистрироваться у новых властей и заплатить при этом 50 долларов. Обе стороны немедленно стали эксплуатировать этот случай в соответствии со своими психологическими склонностями и групповыми интересами. Украинская сторона использовала его как свидетельство того, что контролирующие Донецк повстанцы – не просто бандиты, но и антисемиты. Этот сигнал прозвучал убедительно для тех, кто уже верил в самое худшее из того, что говорилось о повстанцах, а также помог убедить западные правительства поддержать сторону Киева. Что касается пророссийской стороны, она оказалась в позиции защиты и представила объявление как совершённый за их спиной обман – как «провокацию» противника с гнусными намерениями дискредитировать повстанцев. Тот факт, что листовка и в самом деле оказалась фальшивкой, не снизил ценность основанной на инциденте пропаганды с обеих сторон.

Ещё один эпизод выпукло показывает, что даже массовая гибель людей может быть по-разному классифицирована в противоречащих друг другу нарративах. Речь идёт о столкновении проправительственных и пророссийских активистов 2 мая в Одессе, которое закончилось гибелью 42 человек с пророссийской стороны. Пророссийская сторона дала понять, что пожар в здании Профсоюзов, где укрылись пророссийские активисты, был умышленным, и обвинила в поджоге экстремистов «Правого сектора», организации, чья роль в Евромайдане и её последствия были преувеличены российскими медиа. Проукраинская сторона подчёркивала, что пророссийские силы сами ранее в тот день

атаковали проукраинское шествие, описывая последующие действия как самозащиту и утверждая, что пожар был случайным или, возможно, его начали сами повстанцы.

Противоречивые нарративы и ход конфликта

Как показали две последние иллюстрации, обе стороны объединяет набор выгодных им допущений, которые основываются на убеждённости в том, что их дело – правое. Другая сторона, следовательно, заблуждается и ошибается. До этого момента украинский случай типичен. Постсоветский контекст, однако, добавляет два аспекта к описанию мотивации и средств «чужой» стороны. Во-первых, считается, что «чужие» действуют исключительно как уполномоченные внешней силы: США или России. Во-вторых, они склонны, используя в своих интересах туманность военного времени, действовать закулисно и в нарушение установленных норм. Чтобы придать работе законченный вид, опишем три эффекта, возникающие вследствие пристрастного манипулирования информацией одновременно преднамеренно и неумышленно.

Во-первых, манипулирование помогает мобилизовать силы против единого врага, который подаётся как союз «местных» соперников и их внешних «помощников» – будь то Россия и её ставленники на востоке Украины или США и «марионеточный режим» в Киеве. Готовность видеть руку великих держав за каждым вызовом превращает заурядные задачи в хитроумные угрозы. Требования, которые в обычных обстоятельствах могут казаться обоснованными, воспринимаются как бюрократические уловки в интересах иностранной державы. К примеру, желание проукраинской стороны иметь менее коррумпированные власти на востоке страны и в России было интерпретировано как дымовая завеса для ведения прозападной внешней политики. С другой стороны, требования Востока о большей культурной автономии многими за Западе воспринимаются с подозрением – как скользкая дорожка к федерализации и росту российского влияния. В обеих рамках собственные соотечественники описываются как непатриоты, возможно, даже изменники – в той мере, в какой они действуют по велению из-за рубежа.

Во-вторых, целенаправленное манипулирование информацией делает возможными меры, выходящие за рамки нормальной политики, включая насилие, и оправдывает их применение. В ходе конфликта предвзятость сознания работает так, что уходят всякие сомнения в том, что в неудачах «своей» стороны, причины которых неизвестны или не доказаны, следует обвинять противника. Если ты убеждён, что противник прибегает к таким непорядочным и незаконным тактическим приёмам, как шпионаж, распространение заведомо ложной информации, организация «провокаций», то почему бы не действовать теми же методами? Осмысление того, что другая сторона нарушает нормы, даёт возможность поступать также со своей стороны, чтобы не уступить инициативу стороне-нарушителю.

Также пропаганда приводит к тому, что вовлечённые в неё первостепенное внимание уделяют защите своей позиции за счёт ценностей, которых они, по их утверждениям, придерживаются. Поэтому США одобрили деятельность временного правительства (которое после бегства Януковича пришло к власти в результате процедуры, сомнительной с точки зрения конституции) и пообещали ему «полную поддержку» «антитеррористической операции (АТО)», закрыв глаза на жестокие методы и наличие

жертв среди мирного населения. Отсутствие озабоченности со стороны Вашингтона по поводу смертей в Одессе (единственный самый жестокий эпизод на тот момент) усилило убежденность в том, что США применяют двойные стандарты. Само собой разумеется и то, что пророссийская сторона объясняет пытки, захват заложников и убийства, прикрываясь более великой миссией, будь то антифашизм или русский национализм. Обе стороны покровительствуют ополченцам-добровольцам и даже снабжают их оружием, а они, как принято считать, в своих действиях менее сдержаны, чем армии в униформе.

В-третьих, информационная война и ожесточённость в отношениях сильно снижают политическую приемлемость переговоров. Многократно отыгранное сочетание убежденности в правоте «своих» и в эталонной несправедности «чужих» приводит к тому, что публика обвинит в проведении политики умиротворения любого лидера, который предложит какие-либо уступки. Об этом много писалось в случае с Россией: режим Владимира Путина использовал подконтрольные государству СМИ для продвижения согласованного нарратива, в котором демонизируются украинские власти – и это уменьшило его свободу манёвра. Украинское правительство, подбодрённое сторонниками, также, стремясь к военной победе, отодвинуло переговоры на второй план. Можно утверждать, что в таком подходе есть стратегическая логика. Однако новые украинские власти также действовали на основе кратковременных политических расчётов, полагая, что в случае вступления в серьёзные переговоры они лишались бы поддержки в среде своих сторонников. В начале сентября 2014 года снова звучали разговоры о переговорах – это последовало за «русским» наступлением и прекращением огня. Но даже если Путин будет готов добиваться соглашения, Порошенко сильно сдерживает более ранняя риторика его правления. Уступки со стороны Киева, которые могли бы позволить Путину сохранить лицо, рискуют обернуться ответным негодованием украинских радикалов. Любое согласие с требованиями населения Донбасса будет воспринято как выгодное в первую очередь его зловещим покровителям.

Контрпродуктивная контртеррористическая операция

Независимо от того, будет ли достигнуто соглашение или Россия продолжит дестабилизировать Донбасс, описанная динамика усложняет перспективы украинского государственного строительства. Известно, что Мао Цзэдун однажды сравнил партизан с рыбой, которая «плавает» в море сочувствующих людей, бросая вызов центральным властям. Следовательно, властям следует сделать море непригодным для рыбы, «обыгрывая» партизан в деле обеспечения защиты и безопасности. После этого люди вольются в систему и начнут поддерживать правительство в его борьбе с противниками – как внутренними (повстанцами), так и внешними (их зарубежными «спонсорами»). Данный подход опирается на тот факт, что государственная власть, чтобы быть эффективной, должна получить согласие общества. Когда люди полагают правительство легитимным, они подчиняются его власти, например исполняя законы и выплачивая налоги.

АТО усложнила строительство государства. Описывая восставших как «террористов, снайперов, мародёров», Порошенко повысил уровень поддержки военного варианта подавления восстания, усилив ту озлобленность, с которой его сторонники воспринимают население востока. Эта риторика, не делая различия между жестокими бойцами и гражданами, отвернувшимися от Киева или колеблющимися, обесценила интересы

пророссийски настроенного, но мирного населения. Более того, проводившиеся без разбора карательные атаки в городах отвратили людей и ослабили легитимность государства. Июльские опросы показали, что 37% резидентов Донбасса поддерживают отделение от Украины – этот показатель вырос по сравнению с апрелем. Даже если Украина успешно подавит мятеж и покончит с российским военным вмешательством, позади всё равно останется разделённая страна.

Самый надёжный способ ограничить влияние России – как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе – это настроить против неё местное население. Эффективным был бы пакет мер по государственному строительству, включающий честное предложение по культурной децентрализации для Донбасса и, в идеале, такое перераспределение государственных ресурсов, которое было бы выгодно гражданам, наиболее отчуждённым в результате конфликта. Имплементация этих мер, однако, натолкнулась бы на мощные препятствия. В результате октябрьских парламентских выборов в Раду, вероятно, попадут более прозападные и националистические группы, особенно если будет затруднено голосование на Донбассе. Идеологически это приблизит парламент к Порошенко, но может в то же время ограничить его гибкость, без которой нельзя обращаться к Донбассу. Политика, которую можно истолковывать как выгодную повстанцам или тем, кто их поддерживает, будет навязчиво и жёстко продвигаться в проукраински настроенной среде, если не сказать, что речь пойдёт о вымогательстве. В результате конфликт будет продолжаться, а украинское общество будет раскалываться всё сильнее. Печально, что когда политики осознают предвзятость сознания своих избирателей, они намеренно «отравляют колодец», чтобы достичь краткосрочных преимуществ. К сожалению, украинским политикам не удаётся понять, что, играя в эту игру, они играют на руку Путину.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org